

Жанр: фантастика

Рождество В цифровом затмении

Скачков Е. А.

Евгений Скачков

Рождество в Цифровом Затмении

<https://litres.ru/74145574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация к книге «Рождество в Цифровом Затмении»

Жанр: Научная фантастика, киберпанк, технотриллер.

В канун Рождества 2040 года человечество готовится встретить новое десятилетие в мире высоких технологий. Мегаполисы утопают в неоне, искусственный интеллект управляет бытом, а глобальная сеть стала кровеносной системой цивилизации. Но под маской праздничного спокойствия назревает катастрофа невиданного масштаба.

Главный герой — Анна Петрова, ведущий специалист по кибербезопасности корпорации «ГлобалТех». В свой день рождения она сталкивается с аномалией: на ее мониторах появляется странный пульсирующий символ, который невозможно закрыть или удалить. Вскоре этот знак распространяется по всей планете, вызывая тотальный сбой электросетей и коллапс автономных систем. Мир погружается во тьму, но настоящая угроза таится глубже — это не просто хакерская атака, а начало инопланетного вторжения.

Евгений Скачков

Рождество в Цифровом Затмении

Жанр: фантастика

Название книги

Рождество

в

цифровом затмении

Автор произведения Скачков Евгений Александрович

Пролог

Январь 2040 года.

Земля, окутанная плотной предрассветной дымкой, замерла в хрупком равновесии перед самым светлым праздником десятилетия. До первого Рождества нового сорокалетия оставались считанные часы. Мегалополисы-гиганты — от залитых вечным неоном токийских агломераций до укрытых под климатическими куполами северных городов России — пульсировали холодным электрическим светом. Их беско-

нечные шпили пронзали низкие свинцовые облака, а голографические проекции реклам и праздничных гирлянд отражались в темном зеркале замерзших рек, превращая воду в расплавленное стекло.

Снаружи царил привычный футуристический хаос: монорельсовые поезда со свистом рассекали морозный воздух между небоскребами, беспилотные аэротакси выстраивались в идеальные воздушные коридоры, а дроны-курьеры бесшумно скользили вдоль фасадов зданий, доставляя запоздалые подарки. Но внутри бетонных коробок, за толстыми стенами умных домов, время словно замедлило свой бег. Там, где системы климат-контроля еще позволяли сохранить живое тепло, а автоматика на несколько часов уступала место старым традициям, пахло хвоей, корицей и озоном от перегретой электроники. В этих редких островках уюта мерцали отблески настоящих дровяных каминов — непозволительная роскошь для перенаселенной планеты — и теплились последние угольки человеческого тепла. Миллиарды людей затаили дыхание в предвкушении полуночи.

Но эта внешняя безмятежность была лишь тонкой позолотой, скрывающей смертельную усталость цивилизации. Под сверкающей поверхностью прогресса назревала буря.

В глубинах глобальной сети, в ледяной пустоте оптоволо-

конных магистралей и серверах дата-центров, скрытых глубоко под полярными льдами, зрела невидимая катастрофа. Она не имела запаха гари, ее нельзя было услышать сквозь вой метели или увидеть в панорамные окна пентхаусов. Это был абсолютный цифровой штиль — звенящая тишина в эфире, которая всегда предвещает удар сверхновой. Бесшумная, математически выверенная лавина чужеродного кода уже просачивалась сквозь брандмауэры мирового правительства, обходя квантовое шифрование так легко, словно его не существовало вовсе. Этот вирус не крал данные и не требовал выкуп. Он просто ждал команды, чтобы переписать саму реальность, обрушить мировую экономику, отключить системы жизнеобеспечения орбитальных станций и превратить глобальную сеть из инструмента связи в оружие тотального контроля.

Это должно было стать Рождеством, которое навсегда изменит ход истории человечества. Рождеством Великого Сдвига.

Для тех, кто смотрел вверх, это была ночь, когда звезды начали гаснуть. Не по законам астрофизики, не поглощенные черными дырами, а ослепленные искусственным сиянием. Орбитальная группировка спутников наблюдения внезапно сменила приоритеты, направив свои линзы к земле, и космическая тьма над городами стала непроглядной, бархат-

ной и мертвой. А следом с небес начал падать черный снег — миллионы микрочастиц сгоревших защитных оболочек первых захваченных серверов, медленно оседающих на крыши спящих мегаполисов.

Зато в цифровом пространстве зажглись чужие огни. На миллионах экранов — от наручных нейроинтерфейсов до гигантских уличных медиафасадов — вместо традиционно-го поздравления Папы Римского или трансляции из Храма Христа Спасителя вспыхнула единая, гипнотическая заставка. Глубокий ультрамариновый фон, на котором проступили символы, не принадлежащие ни одному земному языку, ни одной известной кодировке. Они складывались в узоры, которые человеческий мозг отказывался воспринимать однозначно, вызывая легкое головокружение и первобытный, атавистический ужас.

Человечество готовилось праздновать рождение своего спасителя, но в эту самую секунду оно потеряло исключительное право владения собственным будущим. Кто-то незримый только что взломал главную дверь во Вселенную, вошел без стука, занял кресло хозяина дома и шелкнул пальцами, гася привычный свет. Старый мир умер ровно в полночь, даже не успев осознать этого, а история сделала резкий, необратимый поворот в бездну неизвестности.

Глава 1. Последний аккорд Старого мира

Шестое января 2040 года. Православное Рождество осталось позади, унося с собой суету семейных застолий и звон бокалов, но праздничная неделя еще не выпустила человечество из своих мягких объятий. Солнце, ленивое и тяжелое после долгой полярной ночи, еще не успело коснуться остроконечных шпилей Москва-Сити, окрашивая восточный горизонт в акварельные оттенки бледного розового кварца, расплавленного золота и холодного индиго.

На сто сорок втором этаже северной башни «Эволюция», где располагался центральный узел киберзащиты корпорации «ГлобалТех», этот рассвет казался лишь побочным эффектом работы осветительных панелей.

Анна Петрова, ведущий архитектор нейросетевых алгоритмов безопасности, медленно допивала вторую за это утро порцию остывшего синтетического кофе. На ее узком, аристократичном лице лежала тень хронической усталости — печать тех, кто привык смотреть на мир сквозь призму бесконечных строк машинного кода. Ее серые глаза, окруженные легкой сеточкой морщинок от постоянного напряжения перед мониторами, покраснели от сухого кондиционированного воздуха, но в самой их глубине пульсировал теплый, почти детский огонек предвкушения. Сегодня ей исполнялось

тридцать четыре. Впервые за последние три года она планировала закрыть рабочий терминал ровно в полдень, спуститься на магнитном лифте вниз и провести остаток дня вдали от тревожных уведомлений — там, где пахнет настоящей хвоей, старым деревом и ванилью бабушкиных пирогов с антоновкой.

За панорамным окном во всю стену простиралась величественная панорама просыпающегося мегаполиса. Москва 2040 года была симфонией света и движения, идеально выстроенной машиной для жизни. Внизу, под защитой климатического купола района, город оживал со свойственной только машинам пугающей грацией. Автономные аэротакси бесшумными серебристыми каплями скользили по строго заданным воздушным коридорам между небоскребами. По тротуарам деловито ползали стаи роботов-уборщиков, похожих на огромных механических мокриц; они методично поглощали остатки искусственного снега, оставшегося после вчерашних уличных гуляний. Голографические рекламные щиты транслировали объемные изображения улыбающихся семей, призывающих купить новые импланты памяти или виртуальные туры на Марс. Мир Анны был миром абсолютного порядка, где искусственный интеллект давно перестал быть просто инструментом и стал невидимым божеством, кровеносной системой цивилизации, питающей каждый дом, каждую машину и каждое человеческое сердце.

Анна провела длинными пальцами по гладкой, едва теплой поверхности своего рабочего стола из умного композита. Здесь не было места бумажному хаосу прошлого века — его заменяли тонкие, как лист слюды, прозрачные планшеты, парящие над столешницей в слабом электромагнитном поле. Она искренне любила свою работу, гордилась тем, что держит хрупкий щит между людьми и цифровой бездной. Но иногда, глядя на то, как люди вокруг все глубже погружаются в дополненную реальность, Анна испытывала глухую, иррациональную тоску. Ей казалось, что человечество несется вперед на экспрессе без тормозов, оставляя позади нечто жизненно важное, невозполнимое — шершавость настоящего дерева, тепло живого рукопожатия, вкус еды, которая не напечатана пищевым принтером.

«Еще один рывок, — прошептала она своему отражению в темном стекле монитора, заставляя себя вымучить улыбку. — Еще восемь часов, и я забуду про эти проклятые байты, биты и уязвимости нулевого дня». Она уже чувствовала фантомный запах мандаринов и слышала звонкий смех племянников в своей голове.

В этот момент привычный ритм утра нарушился.

На центральном голографическом экране прямо перед ее

лицом возникло уведомление. Оно не появилось плавно, как положено системным сообщениям, и не имело стандартной бирюзовой рамки корпоративного интерфейса. Прямо посреди трехмерной модели трафика данных возник странный, пульсирующий символ. Он напоминал одновременно древнюю славянскую вязь и сложную фрактальную структуру живой клетки. Анна никогда не встречала такой сигнатуры ни в одной базе данных вредоносного ПО.

— Что за чертовщина? — пробормотала она, инстинктивно подаваясь вперед и прищуриваясь.

Символ жил собственной жизнью. Его темно-багровые края мягко мерцали в такт какому-то внутреннему ритму, а центр светился болезненно-желтым светом. Анне показалось, что он излучает едва уловимое физическое тепло — воздух над проектором нагрелся на долю градуса.

Она попыталась смахнуть окно жестом руки. Никакой реакции. Системный отклик отсутствовал. Тогда она резко ударила костяшками пальцев по сенсорной панели экстренного сброса сессии. Окно даже не моргнуло. Паника — холодная, профессиональная паника специалиста, понимающего, что стандартные протоколы здесь бессильны — начала медленно просачиваться в сознание, сжимая ледяными пальцами горло.

— Система, отчет о состоянии сети! Уровень доступа Альфа-Один! — приказала она металлическим голосом, активируя аварийный протокол голосового управления.

Ответом ей стала тишина. Не приглушенный гул серверов охлаждения и не привычное жужжание кулеров персональных терминалов. Полная, звенящая, вакуумная пустота. Казалось, весь огромный офис «ГлобалТех» вместе с прилегающими кварталами Сити мгновенно оказался выброшен в открытый космос.

Спустя секунду, которая растянулась в вечность, все мониторы в кабинете синхронно погасли. Погасла и мягкая контурная подсветка стен. Наступил первобытный мрак, прорезаемый лишь тусклым светом зимнего утра снаружи. А затем лампы вспыхнули снова — разом, ослепительно и мертвенно-белым. Теперь на каждой поверхности, способной отображать изображение — от гигантской видеостены до экрана кофемашины — транслировался один и тот же пульсирующий органический символ.

Анна почувствовала, как вдоль позвоночника прокатилась волна липкого холода. Это не было похоже на обычный программный сбой или атаку скрипт-кидди. Это вторжение выглядело слишком... осознанным. Чужеродным.

Внезапно из скрытых в стенах аудио сфер раздался звук. Он не имел ничего общего с музыкой или синтезированным голосом помощника. Это была серия странных, мелодичных щелчков и низкочастотных вибраций, частота которых постоянно менялась. Звук проникал прямо сквозь кости черепа, резонируя где-то глубоко в затылке. У Анны потемнело в глазах, к горлу подступила тошнота. Пространство кабинета начало искажаться: цвета стали невыносимо яркими, кислотными, словно кто-то выкрутил насыщенность реальности на максимум, а звуки улицы, проникающие через стеклопакет, превратились в оглушительный рев водопада.

Мир плавился, превращаясь в сюрреалистичную картину больного воображения. Она схватилась обеими руками за край стола, пытаясь удержаться в вертикальном положении, впиваясь ногтями в композит. Что происходит? Нейросетевой вирус нового поколения? Физическая деваcтация квантовых процессоров? Но этот символ... он дышал. Он был слишком биологическим, слишком живым для строчек программного кода.

В кармане ее форменного комбинезона завибрировал личный коммуникатор — старый кнопочный аппарат, который она принципиально носила с собой, так как его невозможно было взломать удаленно. Дрожащими пальцами Анна

выудила его наружу. На крошечном монохромном дисплее светилось сообщение от начальника службы безопасности, господина Иванова. Текст шел рябью:

«Анна, периметр прорван. Масштаб — глобальный. Это не DDoS. Отключайте всё вручную. Выжигайте носители. Немедленно!»

Но слово «немедленно» потеряло всякий смысл. Время схлопнулось.

Анна подняла взгляд к панорамному окну. Там, за толстым слоем бронированного стекла, улица внизу погрузилась в непроглядную, крошечную темноту. Городские огни — миллионы диодов, лазеров и неоновых трубок, составлявшие душу Москвы — погасли одновременно, словно кто-то повернул главный рубильник планеты. Стоэтажные исполины Сити превратились в черные провалы, заслонившие небо. Миллионы беспилотников замерли в воздухе и начали медленное падение вниз, лишённые управляющих сигналов. Царство технологий рухнуло в одно мгновение.

Только звезды, далекие и равнодушные свидетели гибели земной цивилизации, продолжали мерцать в просветах между облаками. Но даже они сегодня казались тусклыми, болезненными точками, словно испуганные дети, прячущиеся под одеялом от подкравшегося чудовища. За спиной Анны

тихо загудел автономный генератор башни, переключаясь на резервное питание, но мониторы больше не показывали код. Они смотрели на нее миллиардом одинаковых живых глаз, и Анна поняла: Старый мир сыграл свой последний аккорд, и музыка окончательно стихла.

Глава 2. Цифровой шторм

Мир рухнул не с грохотом взрывов и не под рев сирен воздушной тревоги. Он умер в абсолютной, звенящей тишине, которая оказалась страшнее любого крика. Хаос наступил мгновенно, словно кто-то одним движением выдернул позвоночник из тела цивилизации. Глобальная сеть — этот невидимый нервный ствол, связывающий миллиарды людей от ледников Аляски до песков Австралии — внезапно обвалилась.

Сначала исчез свет. Электричество начало отключаться по всей планете каскадными волнами: сначала погасли энергоемкие мегаполисы, затем погрузились во мрак пригороды, а следом за ними тьма накрыла крошечные деревни, где единственным источником энергии были автономные ветряки. Автономные системы, на которых держался современный мир, выходили из строя с пугающей, математической скоростью. Умные автомобили замирали посреди перекрестков, превращая широкие проспекты в кладбища холодно-

го металла. Хирургические роботы останавливали скальпели прямо над открытыми сердцами пациентов. Системы жизнеобеспечения в реанимации переходили на аварийные батареи, издавая пронзительный писк, возвещающий о конце запаса времени.

Анна, все еще находясь в своем стеклянном кабинете высоко над Москвой, чувствовала себя мухой, попавшей в янтарь, — отрезанной от мира прозрачным коконом паники. Ее личный коммуникатор, который всего минуту назад был окном в реальность, теперь показывал лишь мертвую статистику, поверх которой пульсировал тот самый багрово-желтый символ. Она со злостью ударила аппаратом о край стола, но изображение даже не моргнуло. Попытка набрать номер экстренных служб по стационарному видеофону закончилась ничем — линия была мертва, оптоволокно внутри стен небоскреба превратилось в бесполезное стекло.

— Это не похоже на обычную кибератаку, — прошептала она, и ее голос дрогнул, сорвавшись на хрип. В горле стоял комок страха перед неизвестностью. — Это... что-то другое. Фундаментальное.

Она заставила себя сделать глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в пальцах. Профессиональная привычка искать выход боролась с первобытным ужасом. Где-то в глубине памя-

ти всплыло воспоминание о резервном канале связи, который устанавливался для высшего руководства «ГлобалТех» на случай полного краха инфраструктуры. Устаревшая, громоздкая, но невероятно надежная система прямой спутниковой передачи данных. Она работала на других частотах, использовала аналоговое усиление там, где современные нейросети полагались на квантовые алгоритмы. Такая архитектура была менее уязвима для обычных сетевых червей и программных закладок.

Анна бросилась к неприметному стальному шкафу в углу кабинета, спрятанному за панелью климат-контроля. Внутри покоился тяжелый терминал старого образца, подключенный напрямую к геостационарному спутнику через толстый бронированный кабель.

С трудом преодолевая тремор рук, она откинула массивную крышку-экран. Устройство издало низкое механическое гудение, прогревая лампы. На ввод пароля ушла целая вечность — пальцы соскальзывали с сенсорных клавиш. Наконец экран ожил, залив кабинет болезненно-зеленым светом электронно-лучевой трубки. Прошло несколько секунд мучительного ожидания, пока антенна искала сигнал сквозь помехи... И вдруг пространство разорвал входящий вызов. На экране появилось лицо Дмитрия Соколова — ее коллеги и друга, руководителя отдела безопасности американского фи-

лиала корпорации. Его обычно безупречный костюм сейчас выглядел так, будто он спал в нем трое суток, а в глазах плескалось безумие вперемешку с отчаянием. За его спиной вместо нью-йоркского офиса виднелся темный силуэт панорамного окна, за которым бушевала метель.

— Анна, ты там?! — крикнул он, перекрывая треск атмосферных помех. — У нас полный коллапс! Все восточное побережье обесточено. Биржи, банки, военные базы — всё просто выключилось. Я вижу... Господи, Анна, я смотрю в окно Таймс-тауэр и вижу что-то в небе. Нечто огромное. Оно... оно поглощает свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.